

УДК 316.42

DOI: 10.17223/1998863X/38/4

И.Б. Ардашкин

СМАРТ-ОБЩЕСТВО КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБЩЕСТВА ИЛИ КАК НОВЫЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ПРОГРЕССА): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Анализируются перспективы становления смарт-общества как этапа социального прогресса в результате активного применения смарт-технологий в социальной реальности. Рассматриваются концепции прогресса (Р. Нисбета, П. Штомпки, К.Х. Момджяна) для определения критериев оценки процессов социального прогресса. На основании выведенных критериев анализируются социальные трансформации, вызванные применением смарт-технологий. Делается вывод о невозможности однозначно считать подобные трансформации новой ступенью социального прогресса на современном этапе. В то же время нельзя исключать, что в дальнейшем смарт-общество станет таким новым этапом.

Ключевые слова: смарт-общество, смарт-технологии, прогресс, социальная динамика, социальное развитие.

Одним из современных и востребованных трендов социального развития является разработка, внедрение и эксплуатация смарт-технологий в различных сферах жизнедеятельности общества. По оценке разработчиков, эти технологии качественно меняют характер не только технологических процессов, но и характер социальных процессов. Поэтому сегодня очень часто говорят о становлении смарт-общества как особого типа общественной организации. В связи с этим возникает вполне естественный вопрос, а не ведут ли обозначенные процессы к появлению нового типа общества – смарт-общества (по принципу: традиционное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество – информационное общество – смарт-общество). Является ли выделение смарт-общества новым типом общества или новой стадией развития информационного общества или речь идет об использовании смарт-технологий, не влияющих на процессы социальной динамики?

Поставленная проблема относительно нова и актуальна для отечественных исследователей. Не так давно на базе НИУ «Высшая школа экономика», Финансового университета при Правительстве России и других организаций и вузов стали проходить конгрессы: «Пути развития смарт-общества в России: от информационного общества к обществу знаний» (2014 г.), SMART RUSSIA – Россия: от информационного общества к обществу знаний (2015), Россия: от информационного общества к обществу знаний (Международный конгресс «SMART RUSSIA 2016»), где смарт-общество в основном определяли как новую стадию развития информационного общества. Конгресс был представлен большей частью представителями экономического, управленческого (менеджмент) и информационно-технического спектра. В этом плане

---

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 16-16-70006.

было бы полезным провести и философский анализ происходящих процессов, в рамках которого обобщить имеющийся спектр существующих подходов и дать им целостную оценку. Данный круг вопросов и представляет собой проблемное и предметное поле, которое предстоит рассмотреть в рамках данной статьи.

Тем более, очень многие исследователи высказывают определенные оптимистические оценки относительно появления нового типа общества – смарт-общества. В частности, В. Тихомиров считает, что смарт является новой социальной парадигмой. Философия такой парадигмы (общества, построенного на ней) строится на основе постоянного создания новых идей и знаний людьми, которые обладают специальной подготовкой для того, чтобы формировать и поддерживать подобные процессы, признают ценность интеллектуального капитала [1]. В программной аннотации конгресса SMART RUSSIA 2015 в похожем ключе декларировалось, что «под термином «СМАРТ» понимаются не просто технологии, а коренное преобразование модели общества. В основе общества будущего будет лежать не финансово-экономическая модель, а интеллектуальный потенциал человека, многократно усиленный с помощью технологий» [2]. Естественно, что именно столь «радужные» прогнозы актуализируют стремление поиска взвешенной оценки происходящих процессов, выраженной в виде их философского анализа и осмысления.

В этом плане можно обозначить ряд ключевых проблемных моментов, чье осмысление придется затронуть в исследовании. Первый из таких проблемных моментов – вопрос об определении того, что такое смарт-технологии, о том, что делает любую технологию «смарт-технологией», насколько подобные специфические характеристики смарт-технологий выходят за пределы исключительно технологической и технической составляющих. Второй проблемный аспект – это вопрос о подходах к оценке того, что считать социальным развитием (прогрессом), вопрос о соотношении социальных и технолого-технических составляющих в этом процессе. И, наконец, третий аспект – вопрос о том, являются ли смарт-технологии специфическими технологиями, определяющими социальное развитие, непосредственно преобразующими характер социального взаимодействия общества на более качественный уровень, или это просто технологии, повышающие качество исключительно материальной составляющей общественной жизнедеятельности и не более того.

Автор не претендует на полноту и всеохватность исследования в поставленной теме, а предполагает посредством философского анализа наметить возможные варианты ответов как по проблеме в целом, так и по каждому из обозначенных аспектов в отдельности.

Подходы к определению смарт-технологий. Понятие «смарт» (умный) изначально появилось в системе менеджмента и было связано с постановкой целей руководством перед организацией (коллективом) и непосредственным выполнением поставленных задач.

П. Друкер в 1954 г. в своей работе «Практика менеджмента» предложил методику SMART [3]. Понятие представляет собой аббревиатуру, которая составлена из первых букв английских слов: specific (конкретная), measurable

(измеримая), *achievable* (достижимая), *relevant* (совместимая) и *time-bound* (определенная во времени). Использование данной методики П. Друкер, прежде всего, связывал с двумя важнейшими задачами менеджмента: обеспечением экономической эффективности компании и управлением компанией [3. С. 9–12].

Другой представитель из области менеджмента, Э. Локк, также обращался к понятию «смарт». Начиная с 60-х и по 90-е гг. прошлого века вместе с рядом других исследователей он занимался изучением процессов постановки целей, с помощью которых старался выявить связь между тем, как характер поставленной цели влияет на характер и качество выполнения сотрудниками профессиональных задач, связанных с этими целями. Постепенно сфера предлагаемого формата целеполагания (как *smart*-целеполагания) расширялась и стала касаться все более широкого круга сфер общественной жизнедеятельности: от сферы управления до сферы социальной (групповой) и индивидуальной (от масштабов компании (фирмы) до масштабов человечества, государства, с одной стороны, и отдельного человека – с другой).

Согласно Л. Коннели, который обращается также к анализу понятия «смарт», содержание этого термина меняется в зависимости от сферы применения. Например, в сфере кибернетики та система начинала считаться «смарт-системой», которая имела подключение к Интернету или какой-либо сети, соединенной с базой данных. То есть понятие “смарт” «обычно использовалось для обозначения “подключен к Интернету” или, по крайней мере, “подключен к сети”» [3].

Однако наличие подключения к Интернету (сети) не стало единственным критерием представления о том, что следует понимать под характеристикой «смарт». Под *смарт-технологией* стали понимать комплекс возможностей, включающий достаточно большой круг параметров. При этом говорить о единстве представлений не приходится, поскольку социальные и индивидуальные особенности обществ, групп, индивидов и т.д. накладывают свои отпечатки на содержание понятия. Одна из причин такой ситуации обусловлена тем, что каждый человек, группа, организация выражают разные потребности относительно разрабатываемых *смарт-технологий*. Как полагает тот же Л. Коннели, появление *смарт* (умных) – целей переносится на предметы, отношения, среду в надежде на то, что все перечисленные вещи обретут новые качества только за счет того, что их можно было бы соединить с Интернетом, Сетью. Ведь «если я подключу Wi-Fi чип к моему стандартному чайнику, лампе или вилке дома, станут ли они умными? “Очевидно, нет”... Однако мы считаем, что “умный” означает больше, чем “связанный”. Аппаратное обеспечение не может быть само по себе разумным – то, что делает его умным, – это программное обеспечение. Связанная вилка умна, если она советует нам, едим ли мы слишком быстро; подключенная лампа интеллектуальна, если она изменяет свой выход в зависимости от окружающего освещения или если ею можно управлять дистанционно с помощью телефона или другого устройства» [4].

Поэтому активное использование терминологии *смарт* (а это одна из особенностей употребления слова «смарт», поскольку его можно прикладывать к абсолютно любому предмету, явлению, процессу и т.д.) сталкивается

с огромным многообразием его значений. Под термином «смарт» имеют в виду абсолютно разные и порой несовместимые предметы и явления. Анализируя содержание понятия «смарт», можно выделить несколько значений, которые исследователи, как правило, вкладывают в него:

- современные технологии;
- информационные технологии;
- междисциплинарность научных разработок;
- люди с соответствующим (умным) сознанием и поведением (смарт-люди);
- организация эффективного взаимодействия людей и технологий, ведущая к повышению степени безопасности жизни и улучшению качества жизни (смарт-среда и смарт-взаимодействие);
- эффективное решение возникающих проблем.

Исключение хотя бы одной составляющей трансформирует смарт-технологию в просто технологию.

Это, конечно, далеко не полный анализ понятия «смарт» и смарт-технологий, но даже его достаточно для того, чтобы охарактеризовать комплекс аспектов, составляющих собой содержание рассматриваемого феномена. Именно данная комплексность и заставляет задаться вопросом о том, требуются ли какие-то существенные социальные трансформации в обществе в случае активного применения в рамках его жизнедеятельности смарт-технологий? Приведут ли обозначенные социальные изменения к тому, что общество качественно преобразуется (вступит в новую стадию своего развития)? Можно ли будет считать новую стадию (этап) социальной динамики прогрессом?

Эти вопросы имеют сегодня большое значение как для своего научного и философского осмысления, так и для самого общества, поскольку без определения сущности роли смарт-технологий в сфере социальной динамики фактически сложно оценить их роль для человека и общества. Следовательно, сложно повлиять на характер и результаты происходящих трансформаций.

К вопросу о подходах к оценке социального прогресса (развития). Чтобы ответить на поставленные вопросы о роли смарт-технологий для процессов социальной динамики, необходимо определиться с тем, что следует понимать в рамках статьи под термином "социальный прогресс" (социальное развитие). Без установления такой определенности оценить роль смарт-технологий для процессов социальной динамики будет непросто. Сегодня подобный контекст их исследования является наиболее актуальным, поскольку сами по себе смарт-технологии в контексте собственной эволюции могут оцениваться вполне эффективно и полноценно. Например, когда выходит новая модель смарт-телефона, ее новые технологические параметры демонстрируются очень активно с той целью, чтобы показать преимущества этой модели по сравнению с предыдущей. Демонстрация же того, имеются ли у произведенных технологических усовершенствований социальные аспекты, как правило, не проводится. Автор статьи постарается показать, что такая демонстрация опускается не по какому-то умыслу, а потому, что это нельзя сделать однозначно. Поэтому описанные выше оценки ряда иссле-

дователей относительно социально позитивных ожиданий результатов применения смарт-технологий в жизнедеятельности общества требуют необходимых комментариев и корректировки. И сложность здесь заключается не только в многозначности трактовок смарт-технологий и их социальной роли, но и в вопросе понимания того, что такое социальный прогресс (развитие).

Вопрос этот важен еще и в том плане, что социальный прогресс – это понятие, имеющее существенное значение в отношении смысловой составляющей общественной жизнедеятельности. Ведь не секрет, что европейская цивилизация весь ход своего исторического движения в лице различных представителей осознавала как прогресс. Как тонко отметил в своей работе Р. Нисбет, «если идея прогресса на Западе умрет, то умрет и большая часть всего остального, что мы долго ценили в этой цивилизации» [5. С. 11]. Иными словами, без идеи прогресса существование цивилизации (в первую очередь, европейской) утрачивает всякий смысл. Поэтому поиск ответа на этот вопрос очень важен, особенно сегодня, когда как никогда идея прогресса получает много критических оценок, вплоть до отрицания прогресса как такового. В отношении роли использования смарт-технологий как наиболее современных технологий этот вопрос также существенно значим.

В то же время идея прогресса при всей своей важности для человеческой цивилизации никогда не характеризовалась как что-то однозначное и общепринятое. В этом плане имеет смысл обратиться к ведущим зарубежным и отечественным исследователям, чтобы продемонстрировать указанную особенность изучения прогресса. Из зарубежных исследователей имеет смысл обратиться к уже названному Р. Нисбету, а также к работам П. Штомпки, чьи подходы к прогрессу демонстрируют существенные различия. Из отечественных философов наиболее оригинальные идеи относительно понимания прогресса и его генезиса принадлежат К.Х. Момджану.

Р. Нисбет полагает, что идея прогресса связана с религиозными корнями, которые произрастают из иудео-христианских представлений. Он пишет: «Ведь если существует какое-либо общее и притом убедительное утверждение об истории идеи прогресса, то оно состоит в том, что на протяжении всей своей истории она была тесно связана с религией, зависела от религии» [5. С. 526].

В последние десятилетия идея прогресса подвергается критике или отрицается вообще в силу того, что религиозные основания последней утрачивают свою актуальность. Но Р. Нисбет полагает, что это время пройдет и религиозные убеждения в обществе возродятся, а вместе с ними и «оживет» идея прогресса. Сегодня он видит признаки того, что религиозные убеждения постепенно становятся вновь востребованными в обществе и что в перспективе приведет к возрождению роли религии в социуме, а идея прогресса станет ведущим направлением его жизнедеятельности. Р. Нисбет убежден в том, что «история ясно свидетельствует о том, что лишь в контексте подлинной культуры, ядром которой является широкое и глубокое чувство священного, мы будем в состоянии восстановить условия, необходимые как для самого прогресса, так и для веры в прогресс – в прошлом, настоящем и будущем» [5. С. 533].

П. Штомпка подходит к пониманию сущности идеи прогресса несколько шире, чем Р. Нисбет. Он полагает, что прогресс (буквально с латыни «успех») означает продвижение, продвижение вперед, изменение от худшего к лучшему и т.д. Но такого рода трансформации могут осуществляться по-разному и по множеству направлений, а значит, содержание прогресса будет неоднозначно и разнопланово. В этом заключается одновременно как широта (сложность) восприятия и понимания развития (социального развития), так и очевидность (возможность) оценки его значимости для общества.

Одна из существенных трудностей использования идеи прогресса, имеющих место и сегодня, проявилась в эпоху Возрождения, когда европейцы открыли для себя существование множества других человеческих цивилизаций, социальных образований, отличающихся по уровню и содержанию своего развития от Европы. В какой-то момент это поколебало идею прогресса как критерия оценки социальных изменений, поскольку опыт знакомства с африканскими, американскими, азиатскими и другими культурами больше наталкивал на рассуждения о движении назад, нежели на мысли о движении вперед. Приходилось определиться с вопросом о различии людей, их социальных общностей по отношению друг к другу либо признать единство человеческого рода, объясняя возникшие различия пребыванием на разных этапах социального развития.

Для Европы названная идея единства всего человечества явилась важнейшей ценностью, без которой прогресс (социальный прогресс) в принципе не мог бы интерпретироваться как критерий социального развития. Поэтому все множество оценок прогресса в его целеполагании, механизмов, природы и т.д. актуально только в случае признания, что человечество – это единое социальное образование. Без данного полагания у идеи прогресса утрачивается универсальное основание, что, следовательно, не позволяет оценить характер и качество социальной динамики человечества и его многообразных социокультурных образований. Отсюда и возможный плюрализм путей, механизмов прогресса, а также его потенциальных результатов. Как пишет П. Штомпка, среди «критериев прогресса мы находим следующие: спасение, знание, общность индивидов, свобода (негативная и позитивная), эмансипация, господство над природой, справедливость, равенство, изобилие, способность выбора и равные жизненные возможности» [6. С. 53].

При этом П. Штомпка понимает, что рассмотрение того, как прогресс осуществляется по одному из его критериев (допустим, знание), не позволяет сопоставить достигнутые результаты с тем, что можно было бы получить на основании другого критерия/критериев (допустим, равенство). Более того, социолог полагает, что помимо несоотнесенности видов прогресса, его оснований, механизмов и результатов между собой, важно видеть и такое измерение феномена, как наличие цены прогресса. Даже очевидные успехи социального прогресса, оцениваемые в материальном, финансовом, эмоциональном, экзистенциальном и т.д. измерениях, не позволяют сделать однозначного вывода о пользе прошедших социальных изменений, поскольку у них есть и обратная сторона. Он полагает очевидным то, что «прогресс в одной области зачастую возможен только за счет регресса в другой. Происходящие сейчас в посткоммунистических странах Восточной и Центральной

Европы процессы демократизации, развития предпринимательства и свободного рынка сопровождаются ростом безработицы и нищеты, ослаблением социальной дисциплины, повышением уровня преступности и правонарушений, локальными конфликтами, неуправляемостью и широким распространением масс-культуры» [6. С. 51].

Поэтому ключевым фактором, по П. Штомпке, будет являться поиск баланса между результатами прогресса и его ценой. В отличие от самой идеи прогресса, имеющей универсальное значение для человечества, поиск баланса не может обладать подобным универсализмом, а каждый раз может и должен определяться по ситуации.

Это не полный перечень проблемных аспектов осмысления идеи прогресса у П. Штомпки, но в приведенном анализе выражен ключевой момент важности прогресса для человека и общества, позволяющий нам понять неоднозначность и сложность данного социального феномена. В подобном анализе очень многое зависит от человека и общества, от той готовности, которую они демонстрируют в отношении как самого социального развития, так и его оценки. Как пишет П. Штомпка, «мы не можем утверждать, что прогресс необходим, поскольку не знаем, захотят и смогут ли люди реализовать свою способность к созиданию. Различные природные, структурные и исторические условия, а также факторы, подавляющие активность (например, пассивность, сформировавшаяся в результате социализации; подключение адаптивных, защитных механизмов или жестокие уроки, «шрамы» от прошлых неудач), могут воспрепятствовать расцвету этой способности. Точно так же может быть прерван процесс накопления, передачи традиций, причем как на индивидуальном, так и на историческом уровнях (решающую роль здесь играют семья, церковь, школа, средства информации и другие институты). В таком случае следует ожидать не прогресса, а скорее всего стагнации или регресса» [6. С. 64–65].

Такой подход особенно интересен сегодня, когда идущие процессы глобализации столь же явно, как это было в эпоху географических открытий, демонстрируют дифференциацию различных социальных образований в мире по отношению друг к другу. Сегодня становится очевидным, что идея прогресса зависит от желания этих социальных общностей воспринимать себя как нечто единое. А в этом вопросе, к сожалению, пока ясности нет.

Третий подход к оценке идеи прогресса связан с отечественным философ К.Х. Момджяном. Он, как и П. Штомпка, полагает невозможность единого подхода к пониманию и оценке феномена прогресса. Более того, К.Х. Момджян вообще предлагает два типа прогресса одновременно, соответственно два определения его сущности.

Отечественный философ считает, что можно говорить о прогрессе только в следующих форматах: прогресс в обществе, прогресс общества и прогресс человечества. В случае использования формата «прогресс в обществе» речь у К.Х. Момджяна идет об общественных подсистемах (экономической, технологической и т.д.), каждая из которых вполне способна меняться и совершенствоваться. Как он пишет, «этот прогресс представляет собой *технологическое улучшение* разных видов общественного производства, которое измеряется эффективностью исполнения возложенной на них функции. Хочу

подчеркнуть, что речь идет именно о технологическом аспекте прогресса, рассматривая который мы сознательно абстрагируемся от вопроса о том, каким образом улучшения (или ухудшения) в способе производства людей, вещей, социальных связей и информации влияют на иные сферы общества и на положение людей, живущих в нем» [7].

Формат «прогресс общества» предполагает оценку того, как изменения в каждой из социальных подсистем влияют на ситуацию в целом, на оценку того, представляет ли собой общество социальный организм, способный самостоятельно и самодостаточно развиваться. И здесь критерием оценки прогресса будет выступать не технологическая эффективность, как это было в предыдущем формате, а степень удовлетворенности потребностей всех членов общества. Третий формат («прогресс человечества») рассматривается как итоговый вариант оценки социальной динамики всех обществ, которые в истории человечества существовали. И критерием К.Х. Момджян предлагает использовать вклад каждого из обществ в единую копилку человечества.

Наиболее интересной и дискуссионной идеей отечественного философа выступает его предложение о двух типах прогресса, которые одновременно имеют место в процессе социального развития: прогресс как совершенствование и прогресс как прибавление. Эти два типа прогресса К.Х. Момджян приводит по причине того, что в ряде социальных подсистем сложно вычленить процессы, чьи результаты могли бы считаться прогрессивными по отношению к предыдущим (например, духовная сфера). Поэтому выходом он видит несколько иное понимание того, как идет прогресс в данной подсистеме.

В духовной сфере сложно наблюдать прогресс в его распространенной трактовке как совершенствование. Но если прогресс понимать как прибавление, то такая трансформация понятия «прогресс» позволяет его увидеть даже в духовной сфере. К.Х. Момджян приводит следующий аргумент для этого. Он пишет: «Прогресс в искусстве существует, выступая – как и в случае с валюативной философией – в качестве “прогресса как прибавления”. Можно утверждать, что музыка, в которой есть и Бах, и Шостакович, богаче музыки, в которой есть только Бах, а потому она лучше справляется со своей функцией доставлять наслаждение слушателям» [7].

В таком случае возникает другой вопрос, можно ли два различных процесса (совершенствование и прибавление) считать одним (общим)? В представлении автора статьи, подход К.Х. Момджяна приводит к логическому противоречию в отношении понятия прогресс, с одной стороны, а с другой стороны, лишает идею прогресса универсальной трактовки, благодаря которой эта идея и обрела ценность в европейской традиции. Это не отрицание вклада отечественного исследователя по теме проблемы, а иной взгляд на трактовку выдвигаемых идей. Кроме того, подобные противоречия могут быть вызваны и сложной природой такого феномена, как прогресс.

К вопросу о смарт-технологиях и социальном прогрессе. Проведенный анализ того, что такое смарт-технологии, какова оценка их роли в вопросе социального развития, а также рассмотрение основных представлений о прогрессе (социальном прогрессе) позволяют взвешенно поставить и осмыслить

вопрос о том, что такое смарт-общество. Можно ли данный тип общества считать новым этапом социального развития (следующая ступень социального прогресса) или это период общественной жизнедеятельности, в который активно используются смарт-технологии, не влияющие кардинально на процессы социального развития. Следовательно, обоснованно подойти к ответу на вопрос, насколько оправданы оптимистические оценки перспектив становления смарт-общества.

Вопрос этот важен и с позиции понимания перспектив общественного развития на современном этапе, поскольку само по себе общественное развитие ускоряется (в первую очередь, за счет интенсификации технологического развития), но как технологические процессы обусловлены социальными процессами – выявить непросто. Это вопрос неоднозначный по своему содержанию. И в рамках данной статьи дать однозначный ответ вряд ли получится, но можно постараться уточнить ряд моментов.

Дело в том, что ситуацию, когда общество в процессе своей эволюции переходит с одной ступени на другую, не так просто зафиксировать и репрезентировать. Во-первых, это растянутый во времени процесс, который может длиться не одно десятилетие. Во-вторых, выделить такие критерии, по которым можно было бы просто и однозначно отличить один этап развития общества от другого, очень сложно. Как выше было показано, само развитие общества (его прогресс) представляется исследователями существенно разным и далеко не всегда способствует прояснению представлений. Но даже если ряд исследователей солидарны относительно того, что общество идет в своем развитии через определенные этапы и следующая стадия будет характеризоваться по какому-то единому критерию, то это абсолютно не значит, что обозначенная исследовательская солидарность позволяет все четко и ясно продемонстрировать в вопросе, за счет чего эта следующая стадия станет прогрессивней и как точно определить, что она уже наступила.

Классический пример – исследовательская традиция изучения информационного общества. В частности, речь идет о работе британского социолога Ф. Уэбстера «Теории информационного общества», где автор, рассмотрев достаточно большое количество подходов к пониманию информационного общества, его генезиса и перспектив (теории Д. Бэлла, Г. Шиллера, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, З. Баумана и др.), делает вывод, что информационное общество представляет собой определенную модель, доказательство реальности существования которой в общественной практике весьма проблематично. Ни рост информации, ни смена структуры занятости, ни другие критерии, характеризующие становление информационного общества, не позволяют четко определить, на основании какого параметра (увеличение, к примеру, информационных потоков) и при изменении какого процента структуры занятости одно состояние общества превращается в другое. Поэтому попытка связи роста производства информации с наступлением новой информационной эпохи (информационного общества) выглядит не убедительно. В таком подходе, по Ф. Уэбстеру, «лежит совершенно искаженное представление о причинах социальных изменений, потому что ключ к этим социальным изменениям пытаются найти вне социальных связей, сначала упорно изолируя технологию от общества (т.е. от сферы оценок и мнений),

а потом вводя ее снова, но уже как автономную силу, приводящую к изменениям в обществе. Поэтому неудивительно, что те, кто предвидят такие решительные, но асоциальные "революции информационных технологий" или радикальные сдвиги в производительности труда, так легко поддаются соблазну считать, что влияние ожидаемых изменений кардинальным образом изменяет лицо общества» [8. С. 372].

Ф. Уэбстер, по мнению автора статьи, несмотря на свое исследовательское «одинокство» в оценке определения современной стадии общественного развития как информационной, продемонстрировал очень важную вещь. Она заключается в том, что иногда очевидность каких-либо социальных трансформаций отвлекает внимание исследователей от сути этих трансформаций, от их генезиса. Как мне представляется, со смарт-обществом сегодня происходит нечто схожее.

Если обратиться к различным многочисленным зарубежным исследователям, изучающим влияние смарт-технологий на развитие общества, то мы можем обнаружить похожую тенденцию, описанную выше Ф. Уэбстером. Тенденцию установления зависимости технологических трансформаций и социальных изменений. Но насколько эти тенденции взаимообусловлены, до сих пор ясного понимания нет.

Возьмем, к примеру, понимание того, что такое смарт-общество, каков его генезис. В частности, обратимся к монографии «Коллективный социальный разум: интеграция усилий людей и машины для создания более умного общества» (2014). Описание этими авторами вопроса происхождения и становления смарт-общества осуществляется в духе влияния технологического развития на социальное. М. Харствуд, Б. Гримпл, М. Джиротка, С. Андерсон пишут: «"Смарт-общество" – термин, обозначаемый одноименным финансируемым ЕС интеграционным проектом (ИС), цель которого состоит в том, чтобы понять, как современные техно-социальные тенденции могут быть задействованы в решении проблем, связанных с современным обществом. "Смарт" является отсылкой на потенциальные возможности инновационных, социальных и мобильных технологий, которые по-разному предусматриваются для создания более продуктивных взаимосвязей между растущим спросом и ограниченными ресурсами во многих секторах и областях применения... "Смарт-общество" отчасти вдохновлено идеей "смарт-города", многогранной концепции, которая признает выгоды городской жизни, но также и напряжения, которые развиваются в рамках инфраструктур и ресурсов, которые в настоящее время увеличиваются» [9. С. 3–4].

Как видно из приведенной цитаты, действительно смарт-общество в первую очередь связывается со смарт-технологиями, с ожиданием того, что возможности новых технологий повлияют на социальные процессы. Эти ожидания достаточно сильны, особенно у отечественных соавторов (чьи высказывания мы приводили выше). Но также они сильны и у ряда зарубежных исследователей. Следует при этом заметить, что влияние смарт-технологий на социальные процессы и феномены рассматривается пока через достаточно прямое воздействие, проявляющееся в добавлении соответствующей приставки «смарт» к рассматриваемым социальным формам. Город – смарт-

город, дом – смарт-дом, управление – смарт-управление, образование – смарт-образование, жизнь – смарт-жизнь, человек – смарт-человек и т.д.

От такого добавления меняются только количественные параметры, что касается качественных изменений, то говорить про это сложно, поскольку вопреки известному диалектическому закону, как полагает автор, количественные изменения не ведут напрямую к качественным трансформациям. Что, как правило, имеют в виду, когда говорят, к примеру, о смарт-управлении и смарт-жизни. Обратимся к статье Р. Lombardi, S. Giordano, Н. Farouh, W. Yousef, где рассматриваются определения различных социальных феноменов и процессов с приставкой «смарт». Смарт-управление – это количество университетов и научно-исследовательских центров в городе, онлайн доступность электронного правительства, процент домохозяйств, имеющих доступ к Интернету в домашних условиях, использование физическими лицами услуг электронного правительства и т.д. [10]. Смарт-жизнь – это доля площадей для занятий спортом и отдыха, количество публичных библиотек, совокупность книжных кредитов и других источников информации, посещаемость музеев, посещаемость театров и кинотеатров [10]. Данные определения показывают, что под приставкой «смарт» авторы пытаются продемонстрировать количественные параметры востребованности смарт-технологий в управлении и жизни. Опускается момент изменения социальной составляющей управления и жизни в такого рода понимании.

Если попытаться проанализировать эти изменения на основе концепции прогресса (социального прогресса), которые были приведены выше, то тогда есть шанс получить более полную оценку происходящих трансформаций, поскольку автоматически автор будет использовать философский анализ. Во-первых, потому что концепции прогресса (социального прогресса) носят исключительно философский характер, во-вторых, их применение позволит придать рассматриваемому вопросу существенное критериальное основание.

Сразу же нужно уточнить, что не все из указанных концепций прогресса подойдут для оценки роли смарт-технологий. Концепция Р. Нисбета вряд ли позволит нам такую оценку произвести, поскольку генезис прогресса Р. Нисбет связывает с религиозными корнями, а не с технологическим развитием, что не очень позволяет рассмотреть влияние технологических процессов на социальные.

Концепция К.Х. Момджяна также будет выступать не лучшим критериальным основанием, поскольку для технологического и социального направлений прогресса у данного автора используются два различных понимания прогресса, не совпадающих по смыслу.

Получается, что наиболее удобной для проведения необходимой оценки будет концепция П. Штомпки. Можно выбрать три ключевых критерия концепции этого автора для оценки влияния смарт-технологий на прогресс (социальный прогресс), для понимания того, является ли развитие смарт-технологий источником становления смарт-общества: критерий единства (эти изменения носят универсальный характер); экзистенциальные критерии (или хотя бы один/два таких критерия) – счастье, общность индивидов, свобода (негативная и позитивная), эмансипация, справедливость, равенство, изобилие, способность выбора и равные жиз-

ненные возможности и т.д.; критерий цены прогресса (во что обходится обществу становление смарт-общества). Это далеко не полный набор критериев у П. Штомпки, но формат статьи не позволяет в полной мере обозначить весь его критериальный перечень.

Критерий единства (универсальности). Смарт-технологии имеют универсальный характер и могут быть использованы в любой стране. Но далеко не каждое общество готово это делать. Допустим, в развитии смарт-городов ряд европейских стран (Нидерланды, Германия, Бельгия) продвинулся достаточно далеко, но даже там говорить о том, что смарт-города воплотили в себе весь возможный потенциал имеющихся технологий, пока не приходится. Для смарт-технологий необходимо смарт-население (смарт-люди), но какой процент необходим, чтобы смарт-люди трансформировались в смарт-общество, определить пока сложно. Иными словами, критерий единства свидетельствует об универсальности смарт-технологий и о необходимости технологической компетентности людей для их применения, но о социальных изменениях, позволяющих судить о становлении смарт-общества, ничего не говорит.

Экзистенциальные критерии. Это самые проблематичные критерии для нашего анализа, поскольку очень сложно связать смарт-технологии со свободой, равноправием, счастьем и т.д. Данное критериальное основание, являясь одним из самых важных для оценки прогресса (социального прогресса), не может быть использовано.

Критерий цены прогресса. Напрямую использовать этот критерий сложно, поскольку, с одной стороны, смарт-технологии – это достаточно затратная сфера по технологическим основаниям. Но в этом критерии важен баланс технологической и социальной цены применения смарт-технологий. Поскольку вопрос социальной цены смарт-технологий не проводится, то осуществить оценку баланса определенно также не представляется возможным. Точнее, представить можно, но в таком случае назвать происходящее прогрессом будет сложно. Когда смарт-технологии увеличивают степень безработицы, повышая производительность труда, когда они приводят к росту стоимости коммунальных услуг, повышая комфортность проживания в домах и т.д., тогда сложно однозначно дать оценку.

Таким образом, можно констатировать, что рассмотрение становления смарт-общества как прогрессивное движение, как переход на новую ступень социального развития – преждевременный шаг. Рассмотрение этого вопроса с позиции философских и социологических концепций прогресса (социального прогресса) позволяет сделать такой вывод.

Подводя итоги, можно резюмировать, что смарт-технологии – это информационные технологии междисциплинарного плана, направленные на повышение качества жизни людей (по крайней мере, не ухудшить состояние социального объекта по сравнению с предыдущим). Смарт-технологии имеют универсальный характер и могут быть применены к любому социальному объекту или процессу (смарт-образование, смарт-управление, смарт-коммуникация и т.д.). Их использование способствует технологическому развитию.

Из трех рассмотренных концепций социального прогресса (Р. Нисбет, П. Штомпка, К.Х. Момджян) наиболее подходящей для оценки роли смарт-

технологий в их влиянии на социальный прогресс является предложенная П. Штопкой хотя и сложная, но достаточно емкая система критериев для оценки социального прогресса. Эту систему можно редуцировать к трем основным критериям: единство (универсальность) изменений, экзистенциальные параметры изменений, цена прогресса.

Использование указанных критериев применительно к оценке роли смарт-технологий, исследованию их влияния на становление смарт-общества позволяет сделать вывод, что смарт-общество – это не новый этап социального развития, не новая ступень социального прогресса, а время активного применения смарт-технологий для потребностей человека и общества. Смарт-технологии способствуют технологическому прогрессу в обществе, имеют возможность в перспективе повлиять на социальный прогресс, но на данный момент утверждать, что смарт-технологии способствуют становлению смарт-общества преждевременно, поскольку не установлено никаких аргументов в пользу подобной зависимости.

Литература

1. *Tikhomirov V.* Smart Education as the Main Paradigm of Development of an Information Society // *Smart Digital Futures 2014. Frontiers in Artificial Intelligence and Applications*. Vol. 262: Chania, 2004. P. 624–632
2. *Время СМАРТ: от информационного общества к обществу знаний* // Электронная публикация: Портал ИТМО. 07.04.2015. URL: <https://newtonew.com/tech/smart-congress-moscow-2015> (дата обращения: 10.04.2017).
3. *Друкер П.* Практика менеджмента. М.: Вильямс, 2003. С. 397.
4. *Connoley L.* What does it mean to be 'smart'? // Электронная публикация: Unwork. Changing the way we work. 21.01.2013. URL: <http://www.unwork.com/wp/2013/01/21/what-does-it-mean-to-be-smart/> (дата обращения: 10.04.2017).
5. *Нисбет Р.* Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007. 557 с.
6. *Штопка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
7. *Момдзян К.Х.* Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // *Вопросы философии*. 2016. № 10. Электронная публикация: 11.11.2016. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1506&Itemid=52. (дата обращения: 10.04.2017).
8. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004. 400 с.
9. *Hartwood M., Grimpe B., Jiroka M., Anderson S.* Towards the Ethical Governance of Smart Society // *Social Collective Intelligence Combining the Powers of Humans and Machines to Build a Smarter Society*. Springer International Publishing Switzerland, 2014. P. 3–30.
10. *Lombardi P., Giordano S., Farouh H., Yousef W.* Modelling the Smart City Performance // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2012. № 25-2. P. 137–149.

Ardashkin Igor B. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: ibardashkin@tpu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/4

SMART-SOCIETY AS A STAGE OF DEVELOPMENT OF NEW TECHNOLOGIES FOR SOCIETY OR AS A NEW OF SOCIAL DEVELOPMENT (PROGRESS): TO THE PROBLEM OF THE PROBLEM

Key words: smart society, smart technologies, progress, social dynamics, social development

The article analyzes the prospects for the formation of a smart society as a stage of social progress as a result of the active application of smart technologies in social reality. The concepts of progress (R. Nisbet, P. Shtompka, K.Kh. Momdzhyan) are considered to determine the criteria for assessing the processes of social progress. Based on the derived criteria, social transformations caused by the use of smart technologies are analyzed. It is concluded that it is impossible to consider such trans-

formations as a new stage of social progress at the present stage. At the same time, it cannot be ruled out that in the future the smart society will become such a new stage.

References

1. Tikhomirov, V. (2004) Smart Education as the Main Paradigm of Development of an Information Society. In: Neves-Silva, R., Tsihrintzis, G.A., Uskov, V., Howlett, R.J. & Jain, L.C. (eds) *Smart Digital Futures 2014*. Vol. 262. Chania: [s.n.]. pp. 624–632
2. Newtonnew. (2015) *Vremya SMART: ot informatsionnogo obshchestva k obshchestvu znaniy* [Time SMART: from the information society to the knowledge society]. [Online] Available from: <https://newtonnew.com/tech/smart-congress-moscow-2015>. (Accessed: 10th April 2017).
3. Drucker, P. (2003) *Praktika menedzhmenta* [Management Practice]. Translated from English. Moscow: Vil'yams. pp. 397.
4. Connoley, L. (2013) *What does it mean to be 'smart'?* [Online] Available from: <http://www.unwork.com/wp/2013/01/21/what-does-it-mean-to-be-smart/>. (Accessed: 10th April 2017).
5. Nisbet, R. (2007) *Progress: istoriya idei* [Progress: The history of the idea]. Translated from English by Yu. Kuznetsov, Gr. Sapov. Moscow: IRISEN.
6. Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of Social Change]. Translated from English by V. Yadov. Moscow: Aspekt Press.
7. Momdzhyan, K.Kh. (2016) Gipoteza obshchestvennogo progressa v sovremennoy sotsial'noy teorii [Hypothesis of social progress in modern social theory]. *Voprosy filosofii*. № 10. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1506&Itemid=52. (Accessed: 10th April 2017).
8. Webster, F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Translated from English by M.V. Arapov, N.V. Malykhina. Moscow: Aspekt-Press.
9. Hartwood, M., Grimpe, B., Jirotko, M. & Anderson, S. (2014) Towards the Ethical Governance of Smart Society. In: Miorandi, D., Maltese, V., Rovatsos, M., Nijholt, A. & Stewart, J. (eds) *Social Collective Intelligence Combining the Powers of Humans and Machines to Build a Smarter Society*. Springer International Publishing Switzerland. pp. 3–30.
10. Lombardi, P., Giordano, S., Farouh, H. & Yousef, W. (2012) Modelling the Smart City Performance. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 25-2. pp. 137–149. DOI: 10.1080/13511610.2012.660325